

С. Федоров

И В ЧАСТНОСТИ — О ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

1

Столь внушительного свода фактов еще не было в советской истории послеоктябрьской культуры.

В первых двух томах Хроники «Культурная жизнь в СССР» — примерно 10 тысяч статей-сообщений. В полном пятитомнике их, значит, наберется около 25 тысяч.

Откуда эта тьма дат, событий, имен? Какова мера их точности, достоверности, надежности? Легко ли работать с Хроникой? Что закрепит она в советском научном обороте?

Раскрыв ученые тома, ищем список использованной литературы. Первая неожиданность: его нет!

Каждой книге предпослано введение, где редакция называет для примера несколько изданий из тех, что подверглись составителями «сплошному просмотру» и «сплошному изучению». Они названы «первоисточниками Хроники». Утверждается, что при подготовке первого тома так изучены «около 20 названий газет и 140 названий журналов», «более ста сборников документов /.../, изданных на местах» и пр., при подготовке второго — «более 50 названий газет», «работы руководителей культурного фронта» и т.д., однако полный круг источников не приводится нигде.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В СССР. ХРОНИКА. [I]. 1917 — 1927. (АН СССР. Ин-т истории СССР). М., «Наука», 1975. Сост.: Л. В. Иванова, М. Б. Кейрим-Маркус, Р. А. Кленова, С. С. Тарасова (отв. сост.), Т. С. Чанышева. Ред. коллегия: чл.-корр. АН СССР М. П. Ким (отв. ред.), Е. Н. Городецкий, Л. В. Иванова, А. П. Ненароков, С. С. Тарасова, С. А. Федюкин. 768 с. Тир. 4000.

То же. [II]. 1928 — 1941. Сост.: С. Н. Базанов, Н. П. Жилина, В. А. Козлов, И. И. Попов, М. А. Сулова (отв. сост.), И. К. Эльдарова, Г. Р. Юрине. Редколлегия: чл.-корр. АН СССР М. П. Ким (отв. ред.), Ю. С. Борисов, В. Д. Есаков, Л. М. Зак, М. А. Сулова. 814 с. Тир. 3500.

Кстати, полное библиографическое описание каждого «первоисточника» дается лишь при первом его упоминании. Если оно было в начале книги, а сокращенная ссылка попала в конце, то выходные данные придется искать, листая назад весь том и пробегая глазами тысячи внутритекстовых примечаний.

70% заметок первого тома — примерно 3500 из 5000 — информируют о решениях, резолюциях, циркулярах, декретах, указах, указаниях, назначениях; сообщают про заседания, конференции, обсуждения и т.п. Во втором томе процент сильнее варьируется по годам: от 81% в 1929 до 53% в 1939. Научные конгрессы и другие действительные явления культурной жизни дают ничтожный вклад в эти цифры. В основном — и это декларировано как цель Хроники — иллюстрируется партийное «руководство культурным прогрессом» (I, с. 10).

Изначальная односторонность и неполнота источников, возможность накопления ошибок при использовании вторичного материала (значительная часть материалов, характеризующих, например, 1917—27, напечатана в следующие десятилетия) не смущают редакторов Хроники. По утверждению авторов, используемая ими «документальная база позволяет отразить все важнейшие стороны культурной жизни страны» (I, 15).

Составители признаются, что к архивам они не обращались. Часть ошибок Хроники, включая элементарные небрежности и опечатки, восходит к ее «первоисточникам», но составителей как будто не занимала даже сверка фактов, имен, дат. Странно, но это так: Хроника не вводит в научный оборот ни одного нового факта, нигде явно не исправляет сообщений своих источников, а к подлинным первоисточникам — не отсылает.

Те заметки, которые имеют прямое отношение к культуре, отражают лишь самые внешние ее проявления. Вот примеры из конца 1934 года: «работает 9 красных чумов», «открывается институт», «будет дано 6 концертов», «уже месяц работает советская научная экспедиция», «база киносъемки сняла короткометражный фильм», «приезжает дирижер», «приступает к изданию грамматики», «заслушано около 75 докладов».

Творцы культуры выступают, как правило, в несвойственной им роли. А.А.Яблочкина при первом выходе на сцену Хроники обращается к ударникам железнодорожного транспорта с призывом превратить транспорт в передовую отрасль народного хозяйства, а при втором и последнем — получает звание народной артистки. С.М.Михоэлс появляется на страницах рецензируемых томов трижды: при встрече с работниками-ударниками, затем при встрече с руководителями Красной Армии и,

наконец, на юбилее Шолом-Алейхема. О его непосредственной театральной деятельности — ни слова.

Пользуясь жанром хроники, отразить глубинные движения духовной культуры: прозрения, кризисы, пробные ходы культуры, ее внутреннее неестественное развитие или защитную самоизоляцию — конечно же, невероятно трудная задача, обреченная в лучшем случае на частичный успех. Внимательно прочитав оба тома, рецензент не нашел ни одного примера, свидетельствующего о том, чтобы хоть один из составителей пытался за эту задачу взяться.

Каждый занимался «своим» отрезком времени по заданному кругу «первоисточников» — и только. При этом, несмотря на одинаковый инструктаж, разные составители по-разному определяли желанность информации: вероятно, из-за этого прием Сталиным Г.Уэллса в 1934 отмечён, а прием Л.Фейхтвангера в 1937 оставлен.

Разделение труда, принятое в ходе работы над Хроникой, привело к тому, что в ней сохранились досадные, с точки зрения партийной целесообразности, неувязки, которые внимательного и дотошного читателя подтолкнут к поискам более полной правды.

Так, постановления о формировании Академии наук в Грузии значатся в Хронике под двумя датами — 8.09.1930 и 14.1.1941.

В самом деле, к сентябрю 1930 завершилась долгая работа над созданием Грузинской АН. Своим постановлением от 8 сентября Всегрузинский ЦИК формально основал республиканскую АН, утвердил первый состав академиков и президиум Академии во главе с Н.Я.Марром. Но как раз тогда в стране развернулся поход против интеллигенции. Грузинскую Академию принялись душить в колыбели. Ученые стали исчезать, и при вторичном основании АН Грузии в 1940 — 41 из 40 академиков первого призыва в Академии оставили шестерых¹...

Хронологическая разграниченность дялянок между составителями способствовала, далее, незавершенности тем. На зияющие пробелы натываешься сразу, какой темы ни коснешься. В науке, например, не нашлось места психологам: во всяком случае, не упомянуты П. П. Блонский, Л. С. Выготский, Г. И. Челпанов и их работы. Театральная жизнь обошлась без М. А. Чехова, «Габимы», ГОСЕТа. Среди географических триумфов пропущены изучение Северной Земли экспедицией Г. А. Ушакова—

Н. Н. Урванцева, полет «Графа Цеппелина» под научным руководством Р. Л. Самойловича, открытие высочайшей точки СССР памирской экспедицией. В педагогике не упомянуты воспитательные учреждения А. С. Макаренко.

Возникает впечатление полной случайности отбора.

Это не так. Сквозь кажущуюся хаотичность можно увидеть главную линию.

Посмотрите по именному указателю первого тома, как выдержана действующая табель о рангах. Вот число страниц, на которых упоминается данный деятель: Ленин — 240, Луначарский — 156, Крупская — 57, Покровский — 47, Калинин — 26, Семашко — 8, Бухарин — 5 (четырежды — как адресат Ленина, один раз — как внимающий ему собеседник; во второй том Бухарин допуска не получит), Рыков — 4 (во втором томе ухитрятся ни разу не назвать его по имени — в крайнем случае: «председатель СНК»), Сталин — 4, Троцкий — 0. Искусство дозировки, проявленное здесь, говорит об аптекарски тонкой работе редакции. Для такого ответственного взвешивания нужны опыт, чутье и точное знание дозволенного и потребного.

Вот как выглядит подобная таблица литераторов: М. Горький — 47 (во втором томе получит больше), В. В. Маяковский — 30, В. Я. Брюсов — 14, С. А. Родов — 10, Д. А. Фурманов — 7, К. А. Федин — 5 (потом наверстает), А. А. Блок — 4; в двух томах М. А. Волошин упомянут 2 раза (только как художник), а Е. И. Замятин — 1 раз (в списке вошедших в правление). Отмечая третьеразрядных писателей, рецензируемые тома полностью игнорируют А. А. Ахматову (ее впервые вспомнит только 3-й том, но вне связи со знаменитым постановлением ЦК), а также Н. А. Заболоцкого, Н. А. Клюева, О. Э. Мандельштама, А. П. Платонова, А. М. Ремизова, Т. Ю. Табидзе, М. И. Цветаеву, П. Д. Яшвили. Такое пренебрежение к отверженным ответственный редактор М. П. Ким мог бы, не стыдясь, демонстрировать году в пятидесятом, когда печаталась его профессорская брошюра «И. В. Сталин — великий теоретик и строитель /.../».

Из биологов есть Т. Д. Лысенко, но нет И. И. Агола, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитского, Г. А. Надсона, Ю. А. Филипченко, С. С. Четверикова, А. А. Ячевского. Среди множества историков отсутствуют М. С. Грушевский, А. С. Лаппо-Данилевский. Из истории отечественной культуры исключены П. А. Флоренский, А. Л. Чижевский. Двадцать сообщений двух томов, прямо касающиеся еврейской культуры, не называют персонально ни

одного деятеля этой культуры. Ни намека на эмиграцию русского балета и громадной части деятелей изобразительного и музыкального искусства, закрытие музеев, продажу за границу художественных ценностей. И т.д.

Отброшены религия и вся церковная жизнь. Первый том несколько раз касается их только негативно, упоминая дважды — о возможном предании служителей культа суду (с.213, 302), дважды — о возможном предоставлении им работы (с.247, 260), дважды — о сохранении музейных предметов при изъятии церковных ценностей (с.340, 371); и еще несколько раз — о закрытии церквей, хедеров, протестах против преподавания вероучения и т.п. (на другую чашу весов положен для приличия единственный факт: крестьяне где-то под Кинешмой в 1921 еще требуют восстановления Закона Божия: с.315). Исключено право — кроме узаконений, касающихся сферы действий Наркомпроса и немногих иных ведомств. Исключена этика.

Оставшиеся «отрасли» «духовного производства» (пользуясь нормативной терминологией), подверглись основательной чистке при впуске в Хронику. Не считать же, что тема «воспитание масс» отражена и освещена, если за 1917—41 гг. Архипелаг задет лишь однажды — декретом 30.VI.20 «О передаче Народному Комиссару просвещения культурно-просветительской работы в местах лишения свободы».

«Хроника составлялась путем тщательного отбора значительных и типичных фактов. Задача эта нелегкая. /.../ Понятно, что научная хроника предполагает серьезный исследовательский подход к ее созданию. /.../

История культурной революции в СССР хранит множество фактов, в которых глубоко отразилась ее социалистическая, гуманистическая миссия. Именно такие факты и старались выделить и отобрать для хроники ее составители» (I, 9: редакционное Введение).

* * *

Пространственные рамки Хроники таковы. После 1922 они, в соответствии с заглавием, охватывают постепенно расширяющуюся территорию СССР. По отношению к более раннему времени составители ограничили себя той территорией, на которую в каждый данный момент распространялась большевистская власть. Результат — нелепые пробелы в истории нашей культуры.

Достаточно назвать организацию и первые успешные шаги Украинской Академии наук, про которую Хроника пишет пети-

том в примечании, что она лишь «формально основана» в 1918 (I, 118). Про остальные культурные достижения на «белой» территории нет и примечаний.

Тут самое место сделать важную оговорку. Разбираемое издание существует для рецензента не само по себе, а в отношении к главной занимающей его теме — истории высшей школы России накануне Октября и в первые послереволюционные годы (примерно до 1925). Стремясь к большей доказательности и информативности, рецензент позволит себе далее сосредоточиться в основном на этой теме. Ответственность за нарушение жанровых канонов рецензент делит со своим редактором И. Вознесенским, которому, кстати, он приносит свою глубокую благодарность.

Итак, речь идет о том, что Хроника отмечает культурные достижения лишь на менявшей свои размеры «красной» территории страны.

Но после октября 1917 по ту сторону фронтов и временных границ зарождались университеты (Екатеринослав, Иркутск, Владивосток, Тифлис, Баку), сельскохозяйственные институты (Омск, Новочеркасск, Херсон, Одесса), политехнические (Одесса, Владивосток), гуманитарные (Ближневосточный в Киеве, Археологический в Ростове-на-Дону). После прихода большевиков все они влились в единую систему высшей школы страны. Некоторые были при этом формально переоткрыты (Дальневосточный университет, для второго открытия которого расформировали университет в Чите). Не удалось уйти и Пермскому университету, застигнутому Красной Армией в 1919 в Томске.

Что по сравнению с этим полтора-два десятка русских и украинских вузов, существовавших в межвоенные годы в Праге, Берлине, Харбине, Париже! А ведь и их не обойти при серьезной разработке вопроса об отечественной высшей школе в XX веке: эмигрантские «профессорские» центры стали колыбелью евразийства и сменовеховства, оказавших влияние на оставшуюся в России профессуру; имущество Харбинского университета, захваченного в 1945, пригодилось при третьем открытии университета во Владивостоке, прикрытого перед войной...

Но столь широкому подходу к родной культуре советские издания не способствуют. Хроника — не исключение. Даже легких упоминаний про российское Зарубежье и его связи с культурной жизнью в СССР, если это не горьковский восторг издалика и не возвращение А.Н.Толстого, — ждать от нее и не приходилось.

Временные рамки Хроники, казалось бы, не требуют комментариев: привычное начало отсчета — 25 Октября. Но примем ли этот нуль-пункт хронологической шкалы для исследований отечественной культуры?

Реформа русского правописания, провозглашенная Наркомпросом от имени советской власти, явилась итогом тринадцатилетней работы академиков-языковедов и была подготовлена А. А. Мануйловым в бытность его министром народного просвещения Временного правительства: потому-то она и удалась, в отличие от многих скороспелых начинаний «луначарского» ведомства.

Сообщения двух томов о девяноста послеоктябрьских народных университетах создают о них представление как о новом, советском слове. Между тем, к Октябрю движение народных университетов в России уже имело за спиной 20-летнюю историю. Новая волна в этом движении поднялась после Февраля, — она и продолжилась при большевиках.

Хроника информирует, что Самарский пединститут (надо бы точное название: педагогический институт Самарского губернского земства) открылся через три дня после Октябрьской революции — и, добавим, через день после установления большевистской власти в Самаре. Открытие состоялось в срок, намеченный до переворота. Так не справедливее ли числить этот институт в одном ряду с Женским политехническим в Москве, Географическим в Киеве, Северо-Восточным археологическим в Казани, Таврическим университетом в Ялте—Симферополе, консерваториями в Харькове и Тифлисе — в одном ряду с этими и другими вузами, что в короткий срок и в труднейших условиях были созданы в 1917 под властью Временного правительства?

А если отодвинуть начало Хроники лет на 10—12 назад, не отменяя принципа целенаправленного подбора положительных фактов? Какой явится нам высшая школа предреволюционного десятилетия? На несколько страниц выйду из рамок «сборниковского» времени — чтобы потом к нему вернуться.

Вот детали вырисовывающейся картины.

Увеличение вдвое-втрое числа студентов как в целом по стране, так и в ведущих учебных заведениях.

При сохранении ведущей роли гуманитарного, особенно юридического, образования — бурное развитие технического, сельскохозяйственного, экономического («коммерческого»).

В Петрограде перед Октябрем — больше 50 высших учебных заведений. Рекорд побьют — тоже ненадолго — только в начале 30-х гг., когда факультеты превратят в отдельные институты и в список внесут вечерние комвузы разных районов города.

Досюветская высшая школа — в громадной степени продукт частной и общественной инициативы. Негосударственной была половина петроградских вузов.

Около 30 высших женских курсов (ВЖК), открытых в предоктябрьские годы (за «пяtilетку» до 1906 — 10 их количество утроилось), ориентировались на университетские программы, постепенно получали университетские права и к старым возможностям (медицинское, педагогическое образование) прибавили новые (техническое, сельскохозяйственное, юридическое и пр.). В большую часть общественных и частных вузов женщин принимали наравне с мужчинами. Государственные плотины (новый временный запрет на прием женщин в казенные университеты) не могли сдержать потока, ухотившего в не контролируемые правительством русла. Удельный вес женщин в составе российского студенчества (в столице — 37,2% в 1913 — 14 учебном году, а потом, вероятно, еще больше) был одним из наиболее высоких в мире.

Противодействие высшей школы давлению государственной машины было массовым и гласным. Еще 4 января 1905 появилась записка «Нужды просвещения», подписанная первоначально 342 учеными (потом число подписей возросло до 1800):

«По самому характеру своего призвания высшая школа должна готовить деятелей, сознательно и правдиво относящихся к окружающей действительности; между тем, необходимая для осуществления этой ответственной задачи свобода исследования настолько отсутствует, что даже чисто-ученая и преподавательская деятельность не гарантирована от административных воздействий».

«/.../ в наших высших учебных заведениях установились порядки, стремящиеся из науки сделать орудие политики».

«Целым рядом разпоряжений и мероприятий преподаватели высших школ низводятся на степень чиновников, долженствующих слепо исполнять приказания начальства. При таких условиях неизбежно понижение научного и нравственного уровня профессорской коллегии /.../».

«Наука может развиваться только там, где она свободна, где она ограждена от постороннего посягательства, где она беспрепятственно может освещать самые темные углы человеческой жизни. Где этого нет, там и высшая школа, и средняя, и начальная, должны быть признаны безнадежно обреченными на упадок и прозябание»².

Высшая школа добилась автономии, которая уже в 1906 начала приносить богатые плоды. Стоит только иметь в виду, что кое-каких свобод тогда не нужно было и требовать: еще в

XIX веке университеты всюду использовали, например, свое право беспроцентного провоза научной литературы из-за рубежа без вмешательства цензуры.

Попятные же шаги властей, стремившихся ревизовать (прежде всего в казенных учреждениях) собственные «временные правила» от 27 октября 1905, часто не достигали цели.

Закрытая в 1907 лесгафтовская Высшая вольная школа возродилась в 1910 в виде Высших курсов, открытых Н. В. Дмитриевым при Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта.

Протестуя против нарушения университетской автономии, в 1911 свыше сотни профессоров и преподавателей Московского университета — почти треть общего состава — покинули университет. И смотрите: ушедшие не только не были изъяты из общества, но сразу нашли в нем новые точки приложения своих сил: на собранные подпиской и пожертвованиями 2,5 миллиона организовали независимый Московский научный институт! Кругом было открытое сочувствие им, даже чествование. Леденцовское общество помогло П. Н. Лебедеву создать новую лабораторию. Университет Шанявского счастлив был принять под свой кров Н. К. Кольцова, П. Н. Лебедева, П. П. Лазарева, Г. В. Вульфа...

Пожертвования и отчисления в пользу высшей школы росли и множились.

Пермский университет не возник бы (да еще три факультета сразу), не отвали ему Н. В. Мешков от своих миллионов.

Общество для доставления средств ВЖК давало Бестужевским курсам около трети их бюджета (1916 — 17). Материальный актив Общества еще в начале века перевалил за миллион рублей. К 1914 Общество, в дополнение к прежним зданиям для Курсов, построило новое, специально для физико-математического факультета (бестужевки и Комитет Общества отдали здание под лазарет на 1000 коек, взяв на себя его обслуживание).

В 1907 издатель П. П. Сойкин подарил В. М. Бехтереву по его просьбе средства на строительство Психоневрологического института. Впрочем, к Бехтереву и без просьб стали стекаться сказочные суммы, когда была объявлена программа будущего ПНИ: поставив в центр внимания комплексное изучение человеческой личности, он должен был давать слушателям, преимущественно с высшим образованием, знания по психологии и неврологии, причем пол, вероисповедание, неблагонадежность не должны были мешать поступлению на его учебные курсы (курсы открыты в 1908 и быстро выросли в Частный университет — третий официально признанный университет столицы).

В 1908 Московская городская дума открыла Университет им. А.Л.Шанявского. За 1909—17 Университет получил пожертвований на миллион рублей с четвертью (это не считая двух-миллионного бюджета Университета).

Завоевав признание, негосударственные институты добивались государственной поддержки. Основанный В.П.Зубовым Институт истории искусств быстро прошел путь от библиотеки по западному искусству в доме 25-летнего графа (1910) к исследовательскому институту (1912) и далее от организации курсов при нем (1913) к получению прав высшего учебного заведения (1916). Бюджет нового учебного заведения на 20% составлялся из средств его учредителя, на 25% — из средств учащихся, остальная доля приходилась на казенные субсидии.

Плата за учебу была очень разной, вплоть до символической (научно-популярное отделение Университета Шанявского, хоровые классы Московской народной консерватории). В Психоневрологическом от платы за лекции освобождал совет студенческих землячеств, в Бестужевке — Совет профессоров (он же ежегодно выбирал закрытой баллотировкой лучших слушателей, направляемых после окончания ВЖК за границу).

Учреждено было множество именных стипендий. В 1910 Совет профессоров Бестужевки выделил средства для новых 50 стипендий — имени Л.Н.Толстого (такая волна после смерти писателя прошла по всей стране). В государственных вузах были стипендии, связанные с обязательством службы (на 600 учащихся в Константиновском межевом институте имелось, кроме частных, 100 ведомственных стипендий: требовалось после окончания 5 лет работать по межевому ведомству); но существовали и стипендии, не связанные с таким обязательством.

Материальная поддержка студенчества осуществлялась через повсеместно возникавшие общества помощи нуждающимся студентам, кассы взаимопомощи, землячества. Объявление столовой комиссии в Психоневрологическом гласило:

«Как и в прошлом академическом году, беднейшие студенты института могут пользоваться в столовой бесплатными завтраками и обедами»³.

Плата же за учебу часто была платой за выбор независимого пути: захоти сегодняшний студент составить себе личный план учебы — он не найдет такой возможности, открывшейся в былые времена, ни за какие деньги. (Послеоктябрьская бесплатность образования для неимущих шире открыла им путь в науку на первых порах. Но не способствовала ли эта бесплатность в будущем более отдаленном — в нашем на-

стоящем — понижению места знаний в системе жизненных ценностей большинства?)

Как бы то ни было, высшая школа становилась все более доступной. Университет Шанявского, поставивший целью «привлечение симпатии народа к науке и знанию», с его отсутствием формальных ограничений для идущих в Университет (никаких свидетельств и проверок: основной контингент — подготовившие себя самообразованием), с разными группами его научно-популярного отделения (за 4 года давали знания в объеме средней школы или за 2 года готовили к учебе на академическом отделении: прообраз рабфаков, никогда не превзойденный ими), с вечерними занятиями (чтобы смогли и работающие) и постепенным снижением платы за лекции (целью была полная ее отмена), — это наиболее известный, но далеко не единственный пример демократизации состава высшей школы.

На Петроградских (Бестужевских) ВЖК в 1912 дочери дворян, военных и гражданских чинов составляли чуть больше трети всех курсисток.

«Каждый, кто имел соприкосновение с Московским университетом, хорошо знает, что главная масса его студентов набирается из недостаточных слоев нашего общества. Распределение наших студентов по сословиям прямо показывает, что не вершины нашего общества доставляют основной контингент университетских питомцев» (А. И. Чупров, 1907)⁴.

Взаимная несхожесть дооктябрьских университетов и институтов была связана как с накоплением традиций (Александровский лицей, Лазаревский институт), так и с новыми разнообразными поисками в условиях автономии высшей школы, демократизации ее порядков, гласности, широкой частной и общественной инициативы: вузы создавались, например, Докучаевским почвенным комитетом, Императорским обществом востоковедения, Товариществом инженеров в Петербурге, Саратовским санитарным обществом, Донским обществом содействия высшему женскому образованию, Фребелевскими обществами и т.д.

Среди многих находок и поисков предреволюционной высшей школы можно назвать предметную систему, которая с 1906 начала вытеснять прежнюю курсовую систему с ее обязательной последовательностью, стандартными сроками учебы: уменьшалось число обязательных предметов, давалось право посещать лекции по любым предметам и по тем же предметам подвергаться экзаменам, предоставлялась свобода в последовательности выполнения учебного плана, вводилось свободное расписание без контроля посещаемости. При наличии

рекомендованных циклов слушатель получал право составить свой цикл — свою личную программу учебы в высшей школе.

Создавались институты, одновременно и в равной степени научно-исследовательские и учебные (Психоневрологический, Институт истории искусств).

Появились новые профили подготовки (библиотечно-библиографический, кооперативный, история искусств), новые комбинации специальностей (школьные руководители, эксперты, педагоги и школьные врачи в Педагогической академии Лиги образования), новые принципы построения учебных планов: на Высших курсах при Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта и в Частном Петроградском университете отважились предварить специальное (как гуманитарное, так и естественное) образование двумя годами широкой подготовки, обнимающей гуманитарные и естественные науки и помогающей самопознанию и самоопределению студента; на специализированных следующих курсах Частного университета при ПНИ перед профессорами ставилась задача не излагать «весь предмет», а знакомить слушателей, приобретших общее развитие и навыки работы, с основными проблемами науки. Бехтеревский университет ставил перед собой цель «подготавливать не рабов, по рецепту господствующего строя жизни, а настоящих хозяев этой жизни»⁵. Одновременно делалась попытка вернуть университетскому преподаванию изначальное, давно забытое единство — и тем вооружить университетских питомцев против дегуманизирующих тенденций дифференцирующегося, профессионально сужающегося знания.

Активно поощрялось получение второго или третьего высшего образования, что поднимало уровень ведущего ядра интеллигенции и отвечало перспективным запросам наступившего века с его точками бурного роста знания на стыках наук. Обладателей дипломов зачисляли в первую очередь, освобождали от конкурсных экзаменов, принимали на 5-й семестр. Только их набирал Педагогический институт им. П. Г. Шелапутина. Он был невелик, этот институт, — выпускников его, ежегодно собиравшихся на педагогический съезд, не набралось много за несколько предреволюционных лет. Но такие вот горстки поднявшихся выше среднего высшего, думавших, искавших, разъезжавшихся для повседневного труда и съезжавшихся для споров людей действовали в разных сферах культуры и собирались в разных местах страны.

Студенты имели свои издательства для выпуска учебников, руководств, студенческих «Известий» (например, в бывшей Пет-

ровке). По их желанию вводились новые курсы (украинский язык и литература, древнееврейский язык в Бестужевке). Крупнейшие ученые становились во главе научно-исследовательских поисковых студенческих групп (кружок Н.Е. Жуковского по проблемам воздухоплавания в Московском техническом училище). Студенческие организации и кружки мыслились необходимым элементом системы Частного Петроградского университета.

Тенденции развития высшей школы проступают отчетливо. Тенденции эти были присвоены, искажены или пресечены новой властью. И вот перед нами Хроника — очередная попытка рассмотреть развитие нашей культуры, начисто отрубив до-октябрьское прошлое...

* * *

Для авторов Хроники сообщение о событии важнее самого события, а решения важнее, чем их реализация. Заметок типа «Сообщается о...» столько, что временами *Хроника культурной жизни* превращается в *Хронику сообщений печати о культурной жизни* (август 1934: 22 заметки из 38; октябрь 1937: 17 из 34). Постановление Наркомпроса о преобразовании петроградских вузов принято 2.08.1919, а опубликовано 17.08.1919. В Хронике — только вторая дата. Вообще Хроника без всякой системы сообщает то о принятии очередного постановления, то о его публикации. Почти никогда, даже в примечании, не приводятся обе даты, что было бы крайне интересно, ибо период скрытого существования партийных решений в какой-то степени характеризует закулисную, тайную организационную работу.

Еще пример. На международный съезд должны были ехать Н.К. Кольцов, Ю.А. Филипченко, В.В. Бунак. Наркомпрос не пропустил Филипченко. Потом не поехал и Кольцов: куда ж ему, если он недавно из заключения и свободен, можно сказать, условно (определенного приговором срока — не отсидел). В Хронике, под датой 10 июля 1924 (обратите внимание на месяц!): «Постановление Наркомпроса о командировке на Международный съезд антропологов и евгенистов (Прага, 14—20 сентября 1924 г.) профессоров Н.К. Кольцова и В.В. Бунак» (второго, сделав его фамилию несклоняемой, составительница превратила в женщину).

Или еще. Под датой 19 февраля 1919 читаем: «Сообщается о предоставлении 100 ученых Петрограда красноармейских пайков». Открыв указанный источник⁶, находим весьма своеобраз-

разный комментарий. Оказывается, еще 5 октября 1918 С.Ф. Ольденбург доложил Общему собранию Российской Академии наук о письме, посланном им Луначарскому, где он писал о тяжелом продовольственном положении ученых. 19 февраля — это дата, стоящая на отношении Отдела ученых учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса. В этой бумажке и «сообщается» А.П. Карпинскому в Петроград о выделении пайков. Требуется еще собрать совещание из представителей всех отраслей науки, чтобы наметить предполагаемый список, кому это право предоставить: ученых в столице — много больше. Лишь 5 марта список этот перешлют Луначарскому для окончательного утверждения (на основе классового подхода) — когда же и без того запоздавшая милостыня 19 февраля дойдет до погибающих? Когда самое голодное и холодное время останется позади? Об ученых, вымерших за это время, Хроника молчит.

* * *

Культура издания, научная точность Хроники могут быть обрисованы следующим образом:

Ученому А.Г. Дояренко дважды приписана фамилия Доярченко; математику Я.В. Успенскому присвоены инициалы историка Ф.И. Успенского; у физиолога А.А. Ухтомского откуда-то взялись инициалы Л.А., у Б.З. Шумяцкого — Б.М., у Р.П. Эйдемана — Р.Н. Младший из «Серапионовых братьев», писатель В.С. Познер перепутан с наркомпросовцем В.М. Познером.

Под 4.05.1927 академиками названы Л.С. Берг (тогда член-корр.), Л.Я. Штернберг (член-корр.), П.М. Никифоров (станет член-корром в 1932), П.Ю. Шмидт (зоолог, работавший в АН, но членом ее не ставший). Н.Я. Марра, академик с 1912, один и тот же составитель считает то членом-корреспондентом (23.09.1926), то академиком (8.02.1927).

Удмуртская АО, преобразованная в АССР в декабре 1934, досрочно именуется автономной республикой (5.11.1933, 19.06.1934). Под 5.07.1922 фигурируют, наряду с автономными, таинственные «независимые республики», «входящие в РСФСР».

Когда в тексте речь идет о театре им. В.Э. Мейерхольда — это упоминание не выносится в указатель имен; будто постановки в его театре (напр., сообщение 3.06.1931), отказ Совнаркома в выдаче дотации театру (сообщение 23.09.1928) и даже приказ о ликвидации театра (сообщение 8.01.1938) не имеют никакого отношения к самому Мейерхольду.

Заповедник Аскания-Нова упоминается в пяти заметках (3.04.1919, 8.02.1921, 10.03.1922, 4.07.1922, 26.08.1928) — в географических указателях находим отсылку к двум. В тексте, начиная с 1939, часто речь идет о Западной Белоруссии — в указателе этого региона нет. Географический указатель неоднократно называет через запятую два-три названия, подавая их как разные имена одного объекта. Но часто они сильно расходятся в территориальном отношении (напр., Ивановская область и Ивановская промышленная область). Задача обратного согласования текста с указателем, видимо, не вставала. Иначе позаботились бы, например, о том, чтобы, отталкиваясь от названия «Иваново-Возне-

сенск» в указателе, читатель наткнулся и на заметку про декрет об учреждении там политехнического института (декрет 10.08.1918 издан в Москве — и Хроника считает событие сугубо московским).

Предметно-тематический указатель не выделяет многих понятий (авторское право, профессура, цензура), проблем (беспризорность, экологические проблемы), учреждений (Большой театр, Эрмитаж, РАНИОН), которые в какой-то степени затронуты текстом. Не выделены отдельные национальные культуры, а общая рубрика «Национальная культура» из 1490 страниц основного текста двух томов перечисляет нам 1322 страницы!

Вспомогательный аппарат книг мог пригодиться авторам как средство дозирования и контроля. Но к читателю он не обращен. Трудно отделаться от впечатления, что этот «научный» аппарат — не для того, чтобы с ним работать, а для придания солидности томам.

Ни полноты, ни надежности в Хронике нет. Однако она претендует на законченность, нормативность, этапность:

«Предпринимая подготовку хроники «Культурная жизнь в СССР», сектор истории советской культуры Института истории СССР Академии наук СССР рассматривает ее как один из этапов на пути создания фундаментальной научной истории советской культуры» (I, 10);

«Собранные в Хронике материалы /.../ могут стать основой для фундаментальных конкретно-исторических и социологических выводов» (II, 8).

2

Высшая школа — одна из сквозных тем Хроники. Если не учитывать сообщений о комуниверситетах и им подобных заведениях, то прямое отношение к ней имеют примерно 800 заметок в двух томах: больше в первом.

Среди сюжетов, которых эти 800 заметок избегают, — реакция высшей школы на Октябрьский переворот:

«Группа фанатиков и темных дельцов, захватив накануне Учредительного Собрания власть с помощью обманутой ею вооруженной толпы, /.../ ведет нас к измене союзникам и к заключению предательского сепаратного мира. Обманно обещали они истомленному нескончаемой войной и жестокой нуждой народу немедленный мир и братство народов /.../»⁷.

Это — из резолюции Совета Харьковского университета, которая принята единогласно 20.11.1917 в заседании, созванном в полном составе профессоров и преподавателей. За нее единогласно проголосовали Советы всех шести других высших учебных заведений Харькова. Подобным образом по всей стране высшая школа откликнулась на Октябрь.

Хроникой скрыт также массовый и упорный характер дальнейшего сопротивления высшей школы — не только профессоров, но и студентов (не исключая и пришедших по первоначальным новым правилам детей рабочих), «волчьими глазами» (по

выражению Луначарского) смотревших на большевистскую власть.

27.02(12.03).1918 Моссовет постановил закрыть московские вузы и эвакуировать учащихся и учащихся. Ответом были решения схода «не придавать никакого значения» этому распоряжению, а 1(14).03.1918 экстренное общее собрание старостатов шести крупнейших московских вузов решило:

«Считать декрет Президиума Совета недопустимым вмешательством в область автономии высшей школы, а потому совершенно его игнорировать, ни в какие отношения с представителями Советской власти не входить»⁸.

На втором всероссийском совещании по университетской реформе в сентябре 1918 профессора вновь отказались от сотрудничества. Их позиция, как рассказывал М.А. Рейснер, сводилась к следующему:

«Оставьте нас в покое, нам не нужны ни советское государство, ни ваши пролетарские интересы, ни социальная революция»⁹.

В течение нескольких лет в высшей школе господствовало убеждение, что большевикам не удастся добиться своего:

«Пусть старается власть — ей не задушить свободной студенческой мысли! Наши традиции вечны, не ей их разбивать... Автономию высшей школе! /.../ Через головы Луначарских, Покровских и им подобных, мы создадим ту школу, которую хотим мы, а не они!»¹⁰.

Эти слова своего товарища, докладывавшего осенью 1920 о студенческом движении, студенты Петроградского университета встретили овациями. Выступившему большевику тогда не дали говорить. И, когда зал опустел под звуки «Гаудеамуса», трое первых университетских коммунистов одиноко спустились по лестнице.

А 24.02.1921, когда в ответ на сокращение пайка Трубочный завод первым в Петрограде бросил работу и вышел на улицу, к рабочим присоединились студенты (там, на Васильевском острове, — университет и Горный институт).

Хроника рискнула упомянуть забастовку в московском Высшем техническом училище весной 1921 (I, 268), но скрыла участие студентов и истинную причину. А было так. И.А. Калинин выбрали в ВТУ ректором на два учебных года — 1920 — 21 и 1921 — 22. В конце первого года, вскоре после принятия Наркомпросом «Устава О. Ю. Шмидта» (2.03.1921, Хроникой проигнорирован), отводившего профессуре чисто исполнительскую роль, Главпрофобр заменил Калининкова и все правление

ВТУ назначенной «тройкой». Калининков не подчинился и перенес приказ об увольнении на заседание Совета училища.

«Совет училища единодушно вынес в виде протеста решение прекратить ведение учебных занятий в училище, — вспоминал подсудимый Калининков в правдивом месте своего монолога на процессе «Промпартии». — Небывалое в жизни высшей школы событие — прекращение занятий всей профессорско-преподавательской коллегии — вызвало быстрое сочувствие студенчества. Студенты после выступления представителей Совета единодушно поддержали профессорскую коллегию и прекратили учение, объявив забастовку до восстановления меня в должности ректора»¹¹.

Это было время Кронштадта, и Политбюро 14.04.1921 решило на время отступить (тайные решения и секретные предписания Хроника предпочитает не припоминать): назначение «тройки» отменено, приказано подготовить новый устав высшей школы. 27.06 — 2.07.1921 предложили конференции очередной вариант устава, он встретил новую оппозицию профессуры. Но за время летних отпусков большевики сумели нанести решающие удары и решились опубликовать новый устав в виде декрета 2.09.1921 — «Положения» о высших учебных заведениях. Сопротивление, однако, еще не было сломлено до конца: в ноябре 1921 в Московском институте путей сообщения студенческая сходка провалила коммунистических кандидатов; в декабре 1921 в Петроградском агрономическом институте по ознакомлению с «Положением» постановили: принять к сведению, что такое существует, но жить продолжать по-старому (едва окончится учебный год, этот вуз сольют с другими)...

С мощным, но партийно разобренным студенческим движением, равно как и с сопротивлением профессуры, власть сумела справиться, но грешно про них забывать. В рамках Хроники для начального освещения этой темы хватило бы десятка приведенных нами примеров, имеющих точные хронологические привязки и взятых из открытой советской литературы.

(Примечание. Высшая школа сопротивлялась не только потому, что не хотела подчиняться и опускаться. У профессуры, конечно, отыщем боязнь расстаться с насиженным местечком и с атмосферой келейности, привычку к застарелым формам, кастовость. А студенческое требование особых для себя пайков, как это было в Московском университете во время забастовки при уже начавшемся общем голоде в 1921, покажется нам барским. От такого не отмахнуться, но сейчас не о том речь. Выделяем, думается, главные мотивы борьбы.)

* * *

Несколько примеров, касающихся не затронутых Хроникой методов воздействия на высшую школу:

11.09.1918. На следующий день после взятия Казани (часть профессоров и студентов ушла с белыми) все наличные члены ученого совета Казанского университета приглашены в ЧК, где с каждым проведено собеседование — главным образом, о задачах высшего образования в новых условиях¹².

21.09.1918. Государственная комиссия по просвещению приняла постановление о назначении политических комиссаров во все высшие учебные заведения. Их рассылали для «революционной перестройки» высшей школы по крайней мере до конца 1921. Одному такому комиссару специально предписанием Наркомпроса предоставлялось

«право отмены постановлений факультета, а также дача распоряжений, которые должны выполняться всеми служащими на факультете под страхом ответственности перед революционным трибуналом в случае сопротивления или отказа выполнять предписание»¹³.

23.10.1918 по докладу М. Н. Покровского принято постановление Наркомпроса о закрытии юридических факультетов ввиду «полного несоответствия» их учебных планов «потребностям советских учреждений». Аналогичные решения коснутся исторических и филологических факультетов. Все эти факультеты, еще не ликвидированные окончательно, с января 1919 уже будут носить клеймо «бывших».

18.12.1918 «Правда» призвала поскорее ликвидировать университеты. Примерно в то же время М. Н. Покровский обозвал их «самым архаичным типом школы»¹⁴.

1.01 — 15.02.1919: в связи с всероссийским конкурсом отставлены от работы все профессора и преподаватели высшей школы. Временное прекращение работы университетов.

4.02.1919 — учреждение Государственного Ученого Совета (ГУС) для проведения «реформы» высшей школы (позже ее назовут революцией). ГУСу будет присвоено отнятое у профессорских коллегий право выбора новых профессоров данного вуза.

7.07.1919 постановлением Наркомпроса распущены все студенческие старостаты. Решающее представительство в университетских Советах прямо передано «красным студентам»: так оно проще, чем вербовка фиктивных студентов на заводах Замоскворечья с единственной целью — получить большинство в старостате Московского университета.

20.09.1920 Наркомпрос утвердил положение о Временном президиуме Московского университета. В связи с этим будет распущен Совет университета во главе с М. М. Новиковым — последним выборным ректором его. Зоолог Новиков потом,

после ареста, будет выслан за границу осенью 1922. Его судьбу эмигранта разделяют сотни российских профессоров (даже в 1931, когда многие поумирают, а кое-кто вернется, их там насчитают не меньше 150-ти).

Еще один способ захвата власти — создание ревкомов, без согласия которых ректор не мог выпустить ни одного распоряжения. Так, в ноябре 1920 ничтожная по численности коммунистическая ячейка Петроградского лесотехнического решила: сформированный ею ревком считать «высшим и единственным контрольным, политическим и административным органом института»¹⁵.

Весной 1922 была сделана попытка провести массовую чистку студентов («перерегистрацию»). Практических результатов она не дала никаких, кроме суматохи и временного прекращения всяких серьезных занятий.

В 1924 ее провели более успешно под названием «академической проверки». Эта последняя затронута Хроникой, но опять-таки без указания смысла и причин. Причины же той чистки объяснялись «огромной засоренностью студенчества классово чуждыми элементами» и «возможностью мелкобуржуазного перерождения» (заодно исключали «вечно обучающихся» — окончивших 2 — 3 вуза). В докладе Ленгубкома целью чистки было прямо названо «освобождение от оппозиционности». В МГУ после чистки студентов стало вдвое меньше.

Осенью 1922 был распущен Объединенный совет высших учебных заведений в Петрограде, образовавшийся в декабре 1918 как организационный центр защиты автономии высшей школы.

Про изменения в бывшей Петровке М. Н. Покровский докладывал весной 1924 так:

«То, что Тимирязевская Академия отстала, в значительной степени объясняется тем, что старый Наркомзем противился всякой серьезной чистке профессуры. Только в последнее время мы произвели чистку и отстранили от преподавания Железнова, который там насаждал крестьянскую идеологию, Чайнова, который был там царем и богом, и т.д., и т.д. /.../ Сейчас там работают люди из Института красной профессуры. А самое ценное то, что во главе этой Академии стоит самый наш советский ректор, который вообще есть в СССР, — проф. Вильямс, который хотя и не коммунист, но вполне наш, говорящий на нашем языке, нашими словами, искренне преданный нам /.../»¹⁶.

* * *

Аресты, высылки, расстрелы...

Вот имеющее отношение к высшей школе дело «Петроградской боевой организации» летом 1921.

Согласно версии ЧК, в ПБО входили группы: офицерская, профессорская и кронштадских моряков. Заговорщики готовили «кровавый переворот к концу августа — началу сентября»¹⁷ под преступными лозунгами «Вся власть народу» и «Всеобщее избирательное право с прямою, равною для всех и тайною подачею голосов». Во главе ПБО — проф. В.Н.Таганцев, а еще в «профессорской группе» — Д.И.Шаховской, Н.И.Лазаревский, М.М.Тихвинский, К.Д.Туманов, С.А.Ухтомский, В.М.Козловский. Профессоров здесь набирается трое, но объявлено без дальнейших имен, что «профессора, инженеры и преподаватели входили в организацию в числе 19 человек»: выражение «профессорская группа» выбрано, видимо, для пушей целенаправленности.

Н.И.Лазаревский — специалист по русскому государственному праву. Его объявленная вина: «подготавливал к моменту свержения Советской власти проекты по целому ряду вопросов, как то: а) формы местного самоуправления в России, б) о судьбе разного рода бумажных денег (русских), в) формы восстановления кредита в России». Но, может быть, он еще больше был виноват в том, что являлся проректором Петроградского университета, фактически уже исполнял обязанности ректора и, пользуясь поддержкой профессоров, преподавателей и студентов (выборы ректора происходили по этим трем куриям), мог в этой должности утвердиться. Борьба за пост ректора ПГУ после расстрела Лазаревского продолжалась до середины 1922, когда это место наконец занял Н.С.Державин, разделявший все основные положения советской «реформы» высшей школы. (Профессорско-преподавательскому составу ПГУ в 1921 содержание не выплачивалось с июля по сентябрь.)

М.М.Тихвинский был едва ли не крупнейшим химиком-нефтяником страны. Еще в феврале 21-го Ленин собирался послать его руководителем группы спецов в Баку.

Тихвинский — давний противник старого режима. В 1911 он ушел из Киевского политехнического, когда там разыгрались события, аналогичные тем, что произошли в Московском университете. Выбранный после этого в Петербургский технологический, он не был утвержден — и стал главным химиком «Товарищества бр. Нобель»; к профессуре же (в Технологическом и Горном) смог вернуться только после падения царизма. Он старый социал-демократ, член группы «Освобождение труда». В киевские времена поддерживал близкие связи с большевиками. За него просило Русское физико-химическое общество. Расстрелян вместе с Таганцевым и Лазаревским.

Расправа над «ПБО» была удачно приурочена к началу учебного года: список 61 расстрелянного «заговорщика» (в их числе — 5 студентов) «Петроградская правда» поместила 1 сентября. На другой день как раз и появилась подписанный Лениным декрет «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)», целью которого было похоронить автономию высшей школы.

«/.../ Ленин, это живое воплощение пролетарской диктатуры, не выносил и мысли о каких бы то ни было буржуазных автономиях, самое слово это было беспощадно уничтожено в тезисах о высшей школе, которые пишущий эти строки докладывал в политбюро /.../».

«Великим сердцеведом был покойный наш вождь — и глубоко проникал в природу буржуазного человечества. Мудрый консерватизм Ильича спас высшую школу от разгрома»¹⁸.

У гидры высшей школы до поры до времени отрастали новые антикоммунистические головы. Приходилось вновь и вновь их отсекать.

...В ноябре 1918 в Вологде явился к большевистскому секретарю П. А. Сорокин и заявил, что он решил прекратить борьбу с советской властью и отдаться науке. Направили его в Губчека, где арестовали, но не расстреляли. Выпущенный на волю, Сорокин в 1919 был выбран профессором Петроградского университета. И вот что слышали студенты из его уст 21.02.1922:

«Задача возрождения России падает на Ваши плечи, задача — бесконечно трудная и тяжелая. /.../ Огромная трудность ее усугубляется еще тем, что Вы оказались на великом распутье, без путей, дорог и спасительного плана./.../ Мы все сейчас похожи на людей, ошарашенных ударом дубины, заблудившихся и ищущих, страстно и горячо, до боли, до иступления — нужного до смерти выхода. Ищем, тычемся туда и сюда, подобно слепым щенятам, но темно кругом. А история не ждет, она ставит ультиматум; /.../ бьет двенадцатый час нашей судьбы и решается наше: быть или не быть. /.../

Первое, что Вы должны взять с собой в дорогу, — это *знание*, это *чистую науку*, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем /.../. Не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских», которые в изобилии подносят Вам тьмы фальсификаторов. /.../

Второе, что Вы должны взять с собой, это *любовь и волю к производительному труду* — тяжелому, упорному, умственному и физическому. /.../ Мир не зал для праздношатающихся, а великая мастерская /.../. История не терпела и в прошлом праздных тунеядцев; рано или поздно она сбрасывала их в кучу ненужных отбросов. Тем более не терпит их она теперь и особенно среди нас: «не трудящийся да не ест» — таков ее жестокий и безусловный ультиматум. /.../

Но мало и этого. Нужно запастись Вам еще и другими ценностями. В ряду их на первом месте стоит то, что я называю *религиозным отношением к жизни*. Мир не только мастерская, но и величайший храм, где

всякое существо и прежде всего всякий человек — луч божественного, неприкосновенная святость. /.../ Пора усвоить и другое; одно насилие никогда не ускорило движения к далеким вершинам идеального. Вместо ускорения оно лишь замедляло его. /.../»¹⁹.

Уже 12.03.1922 Ленин (правда, по другому поводу) выражает желание «препроводить на Запад» «некоего г. Сорокина». Но надобно размахнуться пошире: в сбор сведений, в просмотр некоммунистических изданий для отбора кандидатов на высылку включается ГПУ и все Политбюро. П.А. Сорокин — с самого начала в списке «законнейших кандидатов».

По Хронике получается, что арестовано и выслано 34 человека из Петрограда (I, 365). По сообщению указанных Хроникой источников, из Петрограда, Москвы и Киева в августе — сентябре 1922 ГПУ выслало частью в северные губернии, частью за границу 160 человек; мотивы изложила «Правда» 31 августа (!), уверив, что среди высылаемых «почти нет крупных научных имен». На самом деле, выслано было гораздо больше — и из многих городов. В октябре 1922 из Одессы пишут:

«Значит, и в Петербурге преследований не меньше здешнего. У нас много тревог было вследствие многочисленных арестов и высылки за границу профессоров без предъявления определенных обвинений».

...Ташкент. В.Ф. Войно-Ясенецкий, возглавив кафедру на медицинском факультете Туркестанского университета, принял священство. Остался зав. кафедрой, читал лекции, вел операции. Помнят диспуты в огромном зале ташкентского театра «Колизей» — и как однажды Войно-Ясенецкий говорил, что шел он сейчас мимо обезглавленной церкви, заклеенной красными плакатами, и это напомнило ему головы, падавшие в крови с гильотины. Из Ташкента Войно-Ясенецкий и пошел в 1922 в первую свою ссылку...

* * *

Не сомневаюсь: соберут под выразительной обложкой документальные свидетельства о мытарствах российской профессуры после Октября.

...Официальная бумага. Исходящие данные: «НКП. Петроградская комиссия по улучшению быта ученых. Президиум. 4 мая 1920 г. №517, г. Петроград». Кому: «В Комиссариат Просвещения, отдел высших учебных заведений и научных учреждений». Подписано Максимом Горьким:

«Простое статистическое сопоставление показывает, что ни одна страна, ни один город на земном шаре никогда еще не переживали такого превышения смертности, как пришлось пережить Петрограду истекшей зимой, и что не более одной пятой этого превышения приходится на заразные болезни, и следовательно 4/5 должно быть отнесено на счет условий существования.

Петроградский университет наук потерял за эту зиму во много раз более, чем терял он при нормальных условиях за год.

Правда, ценой этих смертей, пришедшихся, главным образом, как раз на тот период, когда с одной стороны выдача жалования была задержана на полмесяца, а морозы достигали наибольшего напряжения, был приобретен паяк для ученых»²⁰.

К этому отрывку из горьковского письма добавим — в качестве продолжения — несколько неопубликованных выдержек оттуда же:

«Паяк, если бы ученые съедали его в одиночку, не делясь с семьей, конечно, позволил бы каждому из них поддержать свой status quo, но едва ли одним пайком могут быть восстановлены силы расшатанного организма».

«Поэтому облегчение выезда профессоров и преподавателей в сопровождении ближайших к ним лиц в соседние государства» помогло бы «успешно оправиться от последствий гражданской войны»; «от благоприятного решения» этого вопроса «зависит жизнь многих наших ученых и судьба нашей науки».

«Сведения, доходящие из-за границы о положении там русских эмигрантов, из которых многие уже стремятся вернуться в Россию и возвратились бы, если бы им было обещано, что они не будут преследоваться за эмигрирование, не полагают интеллигенцию к усилению эмиграции».

Иллюзии Горького разделялись в это время Объединенным советом высших учебных заведений, как о том свидетельствует неопубликованное обращение Совета в Комиссию по улучшению быта ученых (КУБУ):

«При повторных наступлениях и отступлениях белых /.../ некоторые из лиц учебного персонала /.../ следовали за /ними/, по большей части подаваясь чувству страха и опасения за свою судьбу и возможные репрессии. /.../ В настоящее время доходят известия, что многие из этих лиц желают вернуться в пределы Советской России, если только им не будет угрожать взыскание за самый факт эмигрирования. При весьма ошутительном недостатке ученых сил в России /.../ было бы в интересах государства принять меры к облегчению возвращения этих лиц».

Петроградская КУБУ 4.05.1920 «вполне присоединяется» к этой просьбе Объединенного совета, не предполагая, что новый голод и новая волна эмиграции — впереди.

...Из частного письма (декабрь 1920):

«Так тяжело всем живется, особенно в Москве и Петрограде, что все думаем об вас, как вы переносите эту зиму. Слухи и вести, получаемые из Петрограда от приехавших и из писем, впрочем, неодинаковы: одни рассказывают, что в эту зиму для советских служащих по крайней мере даются пайки, между прочим, и

дровами /.../. С другой стороны, академик Соболевский пишет мне, что Петроград в сентябре произвел на него удручающее впечатление вымершего города и что на Невском нельзя купить даже стакана воды. Кроме того, он сообщает о кончине 29 ноября в Петрограде академика Ив. Сав. Пальмова от разрыва сердца вследствие того, что собственноручно колол, пилил и таскал дрова на третий этаж, а в Москве проф. В. Н. Щепкина 3 декабря тоже скоропостижно. /.../ А. И. Соболевский пишет, что со смертью В. Щепкина Москва совсем осталась без славыстики /.../. Так много умирает людей нашего круга и возраста, что приходится спрашивать, кто еще остался живым».

...27.08.1920 ректор Первого Петроградского университета В. М. Шимкевич сообщил начальству: проф. И. А. Ивановский довел до сведения ректора, что Отдел народного образования Петроградского района предложил ему очистить квартиру для нужд трудовой школы. Письмо ректора (оно не опубликовано) кончается так:

«В заключение Университет вынужден обратить внимание на то, что профессора Высшей школы /.../ будут продолжать жить под постоянной угрозой выселения, что ныне практически сводится /.../ к полному разорению и утрате теперь уже не восстановимых вещей. /.../ Наконец, необходимо отдать себе отчет в том, что всякий человек нуждается в известных моральных условиях жизни — и прежде всего в неприкосновенности своего жилища, и если к необычайно тяжелым условиям современного /.../ существования прибавляется еще и удручающая тягостность существования нравственного, то жизнь и работа станут совершенно невыносимы».

... После того, как у историка Д. А. Корсакова, члена-корреспондента Российской Академии наук, отобрали имение, ему удалось выхлопотать разрешение перевезти свою библиотеку (он собирал ее более полувека) в Казанский университет, заслуженным ординарным профессором коего Корсаков состоял. Дальнейшее описано в его заявлении на имя Академии наук:

«В марте 1918 председатель Казанского Губернского Земельного Комитета Иван Иванович Штуцер (несмотря на то, что моя библиотека, насколько мне известно, считалась в ведении Совета) заблагорассудил перевезти ящики с книгами в прежнее Дворянское, а ныне переименованное в Казани в Крестьянское собрание. Понадобилась моя библиотека для крестьянской культурно-просветительной секции!

Тщетны оказались попытки профессора С. П. Покровского, директора Северо-Восточного Археологического Института в Казани, выхлопотать предоставление моей библиотеки этому институту!

В данное время книги, рукописи, мои лекции, моя частная переписка, столбцы, царские указы — все это вынута из ящиков и разбирается библиотекарем, к счастью, весьма порядочным человеком. В числе рукописей, находящихся среди моих бумаг, имеются между прочим официальные подлинные дела Казанского Университета, которые уже никоим образом не должны остаться в библиотеке крестьянской культурно-просветительной секции.

Один из комиссаров по народному образованию Емельянов сказал библиотекарю, что мне могут быть выданы только: переписка и все то, что писано мною собственноручно; следовательно, многие бумаги, а также и столбцы, выдаче не подлежат»²¹.

...Из писем одесского профессора Л-ва:

Июль 1920:

«Последнее время здесь по ночам производились обыски, и во многих домах отбирали много вещей. До нашего дома пока очередь не дошла, но мы все время на чеку в ожидании разгрома. Вообще нервы так натянуты все время, и никто не чувствует себя безопасным. Трудно при таких условиях работать по своей специальности, и много уходит времени на таскание воды, дров, овощей и проч. /.../ Очень печально, что на возможность свидания с родными нет никакой надежды, так как помимо дороговизны всякие переезды запрещены, одним словом, восстановлено крепостное право для всех сословий».

Август 1920:

«Теперь ясно, что нам никогда не удастся свидеться, ибо узел русской ужасной действительности затягивается все туже».

Март 1921:

«Вполне согласен с твоим замечанием относительно полной беспросветности и почти невозможности умственной, научной и художественной работы. Иногда как будто откуда-то проглянет луч надежды на лучшее будущее, но через день или два это обычно оказывается фантазией, к которой особенно склонны одесские жители. Во главе высшей школы стоят какие-то безумные недоучившиеся мальчишки, которые в тайне от профессоров совершают какие-то вновь задуманные ими преобразования, а профессора сведены на стелень заводских коней, которых содержат неаккуратно выдаваемыми пайками с преобладанием ячменя, но которых ни о чем не спрашивают и в которых совершенно не нуждаются».

Май 1921:

«Христос воскрес, дорогие! /.../ К сожалению, как и о Рождестве, так и теперь, положение изо дня в день становится тяжелее /.../. Время идет с ужасающей быстротой, а узел крепостничества затягивается все туже. /.../ Вот уже третью Пасху встретили мы под сенью крепкой деспотической власти. Но если прошлого года барин относился к нам настолько снисходительно, что не только не закрыл нашу домовую университетскую церковь, но и посмотрел сквозь пальцы на устройство крестного хода вокруг церкви по улице и университетскому двору, то в этом году он приступил к самым энергичным мерам воздействия на прихожан с целью скорейшего выноса церковного имущества /.../ и очищения помещений, якобы нужного для устройства какого-то кинематографа или еще хуже».

Январь 1922:

«Здесь никто никогда не знает, сколько и когда заплатят; введенные здесь новые ставки увеличенного содержания свелись к нулю, так как выплачивается соответственно необычайно быстро растущей дороговизне гораздо меньше, чем полгода назад: напр., за октябрь никак не могут удовлетворить полностью в течение двух месяцев и дают такие крохи, что при существующих це-

нах едва хватает на прожиток двух — трех дней. /.../ Мы проживаем и проедаем все не только свое, но и чужое имущество, хотя и с согласия владельцев, вследствие чего наш долг растет /.../. Личный же наш заработок /.../ невелик, так как благодаря своей специальности, не пользующейся уважением нынешних властей, имею очень мало лекций /.../».

Декабрь 1922:

«Вообще, похоже на то, что наука у нас доживает последние дни. Высшая власть разрешает науку лишь постольку, поскольку она приложима к педагогике и технике».

* * *

Старая высшая школа, конечно, была очень далека от совершенства. Догматизм, школярство, элитарность не с новой властью родились. И перед революцией в практике высшей школы — секретные аттестации, свидетельства о благонадежности, протекции, недопущения, национальные ограничения, пустоорожные «реформы». И все же: имея изъяны, предоктябрьская высшая школа была достаточно гибкой и разносторонней, обладала внутренним самодвижением, имела ряд центров мирового класса, способных послужить опорными образцами для развертывания ее вширь («рассадниками передового опыта», по нашему словоупотреблению).

К этому наследству прибавилось множество вузов, возникших после Октября. Среди них были карликовые, не обеспеченные ни оборудованием, ни кадрами (Хроника вспомнила, например, Северодвинский университет в Великом Устюге, проживший один 1920 — 21 год), но были начинания успешные, обещающие — в том числе (но не только) и на некоммунистических окраинах России в годы гражданской войны.

Как распорядилась юная власть всем этим богатством?

В Александровском лицее попытались открыть пролетарский политехникум (постановление отмечено Хроникой: 30.05.1918). Здание и библиотеку не захотели передать Институту социологии, о создании которого безрезультатно хлопотала Академия наук. Кончилось все организацией приемника для питерских беспризорников.

В закрытом Катковском лицее разместился Наркомпрос.

Имущество рижского политехнического, эвакуированного в Москву, постарались, вопреки договору, насколько смогли, не возвращать Латвии, а положить в основу Иваново-Вознесенского института (о первом выпуске инженеров с умолчанием, что они бывшие рижане, — заметка под 14.10.1920).

Аналогично поступили с Юрьевским университетом, на базе которого открылся Воронежский.

В Нижнем Новгороде летом 1918 упразднили из-за враждебности профессуры размещавшийся там Варшавский политехнический институт и Высшие сельскохозяйственные курсы — и вместо них постановили открыть Нижегородский университет.

Сто лет существовал в Москве Лазаревский институт восточных языков. В его старших (университетских) классах обязательными предметами были языки: арабский, персидский, турецко-татарский (для кавказских стипендиатов — еще армянский и грузинский; их, конечно, вправе были изучать и прочие студенты), плюс русская словесность и т.д. Трехлетний курс желающие могли разбить на четыре года, прослушав при этом дополнительно важнейшие юридические науки в университетском объеме и в изложении университетских профессоров; редко кто отказывался от такой возможности. Рассудили: ни к чему нам такой институт. Закрыли, открыли вместо него Переднеазиатский, потом — Армянский, потом — Центральный институт живых восточных языков. К 1921 году четырежды трансформированный, институт стабилизировался наконец как Московский институт востоковедения.

Педагогический институт им. П.Г.Шелапутина в эпоху великих перестроек дольше всего продержался в виде Академии коммунистического воспитания им. Н.К.Крупской. Туда набирали только коммунистов и комсомольцев и делали из них руководящих работников наробраза, политпросветчиков и преподавателей общественных дисциплин.

На месте («на базе») Высших курсов П.Ф.Лесгафта открыли в 1919 Институт физической культуры. А Н.В.Дмитриев, учредитель этих курсов и народного университета для рабочих, был в послеоктябрьские дни едва спасен от озверевшей уличной толпы, громившей дома богатых, и с помощью друзей тайно переправлен за границу (там он снова связал свою судьбу с народным университетом для россиян).

Все четыре университета на Украине были расформированы в 1920. В Киеве, едва взяв город у поляков, раздали кадры, студентов, оборудование университета чуть ли не десятку учреждений. В Одессе юридический и историко-филологический факультеты в ходе реорганизации были просто закрыты, а студенты отпущены по домам. В Харькове закрыли только юридический, зато дочерние институты перестраивали еще четырежды на протяжении года с небольшим. «Физматини» и «гумобины» (физико-математические и гуманитарно-общественные

институты), возникшие на развалинах украинских университетов, оказались недолговечны. В Хронике под 10.03.1933 значится без примечаний постановление «Об организации на Украине государственных университетов»: будто не о восстановлении речь.

В Петрограде после Октября число студентов стало катастрофически сокращаться. К 1.01.1918 их уже было раза в два меньше, чем годом раньше (в Женском политехническом — в три с половиной). В следующую зиму в петроградском университете осталась ничтожная горсточка студентов дореволюционного набора. Холод в ту зиму в университете был такой, что по всему верхнему коридору главного здания шутники проходили на лыжах. Вузы пустели, и, легко закрывая и переименовая их, власти вливали остатки студентов и профессоров в другой вуз. Имена учредителей частных институтов забывались поразительно быстро.

Петроградский университет и его Педагогический институт, образованный из бывшего Историко-филологического и влитый в университет в 1921, вобрала в себя закрытые весной 1918 Высшие историко-литературные и юридические курсы Н. П. Раева (известные до революции еще как Вольный женский университет), следующей весной — языковые курсы М. А. Лохвицкой-Скалон (они существовали с 1892 как женские курсы с трехлетним сроком обучения, но не учитывались в числе дореволюционных высших учебных заведений), в августе 1919 — Второй и Третий Петроградские университеты: бывшие Частный при ПНИ и Бестужевку (2-й ПГУ был при этом расчленен: его медицинский факультет скоро, если не сразу, выделился в отдельный институт). В 1920 — 25 в Университет влились еще Археологический, Географический, Литературно-художественный и (на несколько месяцев) Химико-фармацевтический институты.

Психоневрологический институт, потеряв свой университет, едва не погиб совсем. Под 12.01.1921 Хроника передает сообщение о его возрождении в качестве учебного и научного заведения и преобразовании в Психоневрологическую академию. Но здешнему Педагогическому институту социального воспитания нормального и дефективного ребенка, с его двухлетним основным общим отделением, исследовательским институтом и девизом «Через изучение личности ребенка к воспитанию гражданина и оздоровлению человечества», — далеко ему все-таки было до прежнего идеала Нового (в реальном осуществлении —

Частного) университета в понимании В. М. Бехтерева и В. А. Вагнера.

Таврический университет после взятия Крыма переименован в Крымский им. тов. Фрунзе, но он уже дышал на ладан. Одни эмигрировали (Н. И. Андрусов, Г. В. Вернадский и др.), другие вернулись в свои прежние университеты. Голод стал опустошительным. Попытка Я. И. Френкеля, отбывшего в Петроград в начале 1921, организовать через Горького помощь бедствующим профессорам и студентам Крымского университета — завершилась ничем. В 1925 университет скончался. Остался лишь незадолго до того основанный педфак, превращенный в самостоятельный институт.

Кажется, последним высшим учебным заведением России из числа существовавших на добровольные пожертвования был Петроградский Богословский институт (1920 — 23). Он оказался на родной земле последним приютом ряда преподавателей и профессоров Духовной академии и Петроградского университета. Мы можем поставить его в ряд с другими учено-учебными учреждениями: цели института были определены как учебные и исследовательские:

«1) преподавание богословских наук и ведение практических занятий, необходимых для основательного изучения православного богословия и успешного служения церкви в современных условиях и

2) разработка богословских и церковно-практических вопросов, выдвигаемых жизнью, и проведение правильного решения их в сознание общества»²².

После репрессий 1922, направленных против духовенства и профессуры, Институт был обречен.

Невозможным стало несколько позже существование и Института высших еврейских знаний (1918 — 25, основан как Петроградский Еврейский университет), где изучали прасемитическое, библейское, талмудическое и раввинистическое право, историю еврейской религии и традиции, экономическую историю еврейства, халдейский язык...

Заккрытие вузов после Октября часто проводилось под флагом их реорганизации и нередко (в первые годы) — под убедительным предлогом продовольственных или финансовых затруднений. Но во всех случаях это был действенный фильтр для отбора учреждений и людей. И число таких закрытий измерялось с о т н я м и . Только за 1922 — 25 годы было ликвидировано свыше ста вузов.

* * *

Немного подробнее — о судьбе Университета Шанявского. В феврале восемнадцатого шанявцы еще надеялись:

«Занимая исключительное положение среди высших учебных заведений, университет имени Шанявского и в будущем останется в искании новых форм самостоятельно пробивающим вперед дорогу, всегда далеким и независимым от всякой государственной власти, как бы совершенна она ни была, и бережно хранящим свои, скромные пока, но особенные, ему лишь одному только присущие, традиции — свой лик, свой дух...»²³.

Примерно тогда приняты последние, кажется, пожертвованная. На академическом отделении и специальных курсах еще числилось три с половиной тысячи слушателей. Но аудитории первого курса после Рождества стали редеть. Замерла научная работа в лабораториях.

В ответ на постановление Моссовета о закрытии вузов совет старост Университета решил «защищать автономность школы всеми способами». В Университет нагрянули с обыском. Искали оружие — не нашли.

Университет размещался на Миусской площади, в здании, построенном в 1911—12 по конкурсному проекту. Здесь была система воздухообмена с регулированием температуры, вода и газ были подведены ко всем лабораториям. Имелась специальная аудитория для просмотра учебных фильмов. Здание нашли подходящим для курсов агитаторов и инструкторов, развертывавшихся в Коммунистический университет им. Свердлова. В конце 1918 Университет Шанявского был закрыт. В первые месяцы 1919 он еще пытался подняться, шанявцы даже начали издавать новый журнал, но аресты и другие репрессии сжимали круг.

Под 26.08.1919 Хроника единственный раз упоминает Университет Шанявского («бывший»): в этот день опубликовано постановление насчет объединения всех трех московских университетов. На деле это постановление лишь закрепило ликвидацию Университета Шанявского: 2-й МГУ дождался своего расформирования только в 1930, остатки же академического отделения Университета Шанявского без промедления были влиты в 1-й МГУ. Научно-популярное отделение в ноябре 1920 объединили с рабфаком Свердловки. Лаборатории разрушили. В 20-е годы иностранцев с гордостью водили по зданию для демонстрации достижений большевистской культуры.

Вот уже много лет помещение Московского Городского Университета им. А.Л.Шанявского занимает Высшая партийная школа ЦК КПСС. Нет на здании мраморных досок, напоминающих о тех, кто в Университете учился (например, С.А.Есе-

нин) и учил (три десятка преподавателей — в персональном составе Академии наук). Там, где за обширным вестибюлем против главного входа раздваивается парадная лестница, вместо бюста Шаняевского работы С. М. Волнухина — Ильич на черном постаменте. Оглядевшись на этом месте, вы не найдете и следа от слов Шаняевского:

НАУКЕ — ИСТОЧНИКУ ДОБРА И СИЛЫ.

Выйдя на улицу, колупните шелушащуюся серую краску. Под ней — мраморная крошка, которой некогда было облицовано здание.

* * *

Зубовский институт истории искусств начали преобразовывать в 1921, на год прервав в нем нормальную учебную деятельность. В. П. Зубов, создатель Института, профессор, знаток изобразительного искусства итальянского Возрождения, до Октября отказавшийся от графского титула и сделавшийся большевиком, попал в тюрьму (1922), был вычищен из партии, снят с директорства (январь 1925) и отпущен за границу, где вновь обратился в графа.

Несмотря на попытки перевести преподавание в институте на марксистскую основу (директорство Ф. И. Шмита, кончившееся, впрочем, тем, что теория его была признана псевдомарксистской, а самого его арестовали и сослали в Ташкент; изгнание В. А. Голованя; диспуты против «формалистов»: один из них проходил в громадном зале Городской Думы) — это никак не удавалось. Слишком сильным был преподавательский состав на всех четырех факультетах Высших государственных курсов искусствования, сменивших учебное отделение прежнего Зубовского Института. Многие здесь должно было раздражать власть имущих: при Курсах работала иконописная мастерская, В. М. Жирмунский угощал слушателей серией лекций об А. А. Ахматовой, Е. И. Замятин за два вечера прочел полному залу весь свой еще не напечатанный роман «Мы», а про преподавателя-марксиста Я. А. Назаренко студенты горланили частушку:

В институте ИИИ
обвалилась стенка.
Стенка, стенка, задави
Яшку Назаренко!

М. Ф. Косинский пишет в своих неопубликованных воспоминаниях:

«Зимой 1928 года над Институтом истории искусств сгустились грозные тучи. Специальная комиссия начала его потрошить. Имело место несколько, так сказать, «судебных заседаний», на которых присутствовали и мы — студенты. На заседаниях чинился допрос научных сотрудников. Все это вызывало очень неприятное ощущение грубости и какой-то враждебности к культуре и искусству. Например, Владимир Яковлевич Курбатов и Александр Александрович Починков были по образованию химики. Их вызвали и с пристрастием допрашивали, почему они не работают по полезной и нужной специальности, а занимаются каким-то искусством. С Починковым произошел следующий инцидент. Как я уже писал, он с преподаванием искусствоведческих дисциплин совмещал заведование превосходной библиотекой Института. Члены комиссии его спрашивают: «Когда в библиотеке появились сочинения Ленина?» Александр Александрович отвечает, что сочинения Ленина появились как только они были изданы, в 1917 и 1920 годах. Тогда члены комиссии набрасываются на него, на библиотеку, на Институт в целом за то, что сочинения Ленина им были не нужны, их не интересовали, а потому и появились только после революции, так сказать, «для отвода глаз». Александр Александрович совершенно спокойно отвечает, что произошло явное недоразумение и что он назвал дату появления в библиотеке первых томов собрания сочинений Ленина, а отдельные его произведения находились в библиотеке еще до Февральской революции. Вся эта печальная процедура закончилась, очевидно, уже заранее подготовленным постановлением о ликвидации Института истории искусств и Высших государственных /курсов/ при нем. Студенты Курсов переводились в Ленинградский университет, кроме старшего курса, моего курса, которому было позволено проучиться еще год в официально закрытом Институте, после чего он должен был быть ликвидирован».

* * *

По Сталину, нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики.

Многообразные методы расслоения профессуры и вытеснения ее, умелое вкоренение в жизнь высшей школы системы вестеронной идейной регламентации, искусное расшатывание старых основ неожиданными поворотами политики (отмена и восстановление приемных экзаменов, отмена и восстановление платы за учебу, введение свободного ненормированного приема и замена его разверсткой мест в вузы и т.д.) — в этом правящему слою не откажешь.

А какое уменье ослеплять и дезориентировать! Вчитайтесь в слова программы РКП(б) 1919 года: «Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих»²⁴... — **для всех и в первую очередь**. Сочетание несочетаемого. Общая формула, выражающая суть многих лозунгов и декретов.

И успехи-то были дутыми с самого начала. Рекордное количество вузов и студентов, достигнутое около 1920 — 21, ничего не стоило: в Московском университете в 1921 числилось 27 тысяч записавшихся, систематически занималось 4 тысячи, кончало из них — много меньше...

Успешные методы ослабления вражеского гарнизона (общее сокращение продолжительности обучения, досрочные выпуски в 1920 и 1921, уничтожение института вольнослушателей) и засылки своих лазутчиков (предоставление рабочим и комсомольцам внеконкурсных прав при поступлении и материальных льгот при учебе). А вот и главный штурмовой отряд:

«Рабфаки возникли сначала как своего рода пожарные лестницы, которые мы приставили к окнам вузов и по которым полезла к высшему образованию наша молодежь, встречавшая со стороны тогдашнего студенчества (почти сплошь не нашего) и со стороны тогдашней профессуры враждебный прием»²⁵.

«Рабочим пришлось брать университет (Московский. — С. Ф.) примерно так, как велась легендарная осада Сарагосы: коридор за коридором, комната за комнатой».

«И вступление Красной Армии в каждый новый университетский город неизменно сопровождалось телеграммой от местного ректората: «Открываем рабочий факультет». Это был, очевидно, в представлении местных академических кругов, лучший способ умиловить победителя. Так Красная Армия несла на своих штыках всюду пролетарскую высшую школу /.../»²⁶.

Хотя пролеткультовские попытки не увенчались успехом («Московский пролетарский университет» просуществовал только 1918 — 19 год и был распущен постановлением ЦК от 5.08.1919), сначала еще держалась идея вырастить рабфаки в самостоятельные университеты, которые, напитавшись от старых университетов, вытеснят их из жизни. Возобладала другая точка зрения — и во исполнение ее около 1925 рабфаковцы стали большинством на первых курсах основных оставшихся вузов. Они рвались выполнить крылатый призыв Троцкого к делегатам пятого съезда РКСМ: «грызите молодыми зубами гранит науки...»

Так в середине 20-х годов, за исключением последних фортов (зоотехнические вузы), пала крепость высшей школы.

При этом по числу вузов и студентов был «восстановлен» примерно уровень 1914 — 15 учебного года (но далеко не уровень сентября семнадцатого). В конце 20-х гг. средняя продолжительность фактического обучения студента колебалась от 6 до 9 лет. В установленные сроки оканчивало вузы (по данным Наркомпроса РСФСР) не более 20% студентов. Успеваемость даже в лучших вузах страны немногим превышала 50%. Современная поговорка: «К этому высшему образованию — хотя бы среднюю

культуру...» — по справедливости должна была бы появиться тогда...

В конце концов с выучиванием дело как-то наладилось. Но нравственные болезни, привитые высшей школе в ходе великого перелома, остались загнанными вглубь и скрытыми от постороннего и поверхностного взгляда. Они усугубились политикой следующих лет: новые чистки, качания между частично-свободным приемом и приемом по категориям, между коллегиальностью и единоначалием, ликвидация всех кафедр и потом их частичное восстановление, понуждение к «бригадному методу» и прочим обязательным новшествам, частые ломки учебных планов, «вузирование» университетов, колебания от гигантизма к распылению вузов, от централизма к ведомственности, от поддержки фундаментальной науки к дурно понятому практицизму и т.д. Единая власть над вузами неизбежно порождала единообразие не только поисков, но и заблуждений и глупостей...

* * *

Перечитываю написанное. Получилось прямолинейно и односторонне, как это часто выходит в полемике. Все правда, да не вся правда.

Рецензия затронула внешние рамки существования ученых — физическое (в меньшей степени и нравственное) давление на них. Но внутренняя эволюция профессуры не сводилась к примитивной приспособительной реакции на изменения внешней среды.

«Жить и работать в новой России становится возможно, отнюдь не перестраивая своего разума и своей психологии на официальный коммунистический лад. Не только врачи, инженеры и агрономы, но и спецы более шепетильных отраслей ныне уже могут прилагать к делу свои способности и знания — с уверенностью, что их труд не пропадет даром для родины, — писал Н. В. Устрялов в октябре 1923 и продолжал, цитируя Тацита: — Воистину, нужно искать этот спасительный "средний путь между сопротивлением, которое само себя губит, и раболепством, которое себя бесчестит"»²⁷.

В дни нэповского перерождения революции интеллигенция шла на примирение «через ворота патриотизма» (выражение Троцкого). Глобальные политические претензии большевиков уступали место хозяйственным и культурным планам, и «красинизм» уже казался будущим страны. Сталинизма не дано было предугадать. Отказываясь от политической роли, спецы надея-

лись посильно способствовать выздоровлению страны, перебросить мосты, по которым большевики придут к еще более реалистической политике. Маскироваться под коммуниста до конца 20-х гг. от ученых не требовалось, инакомыслия своего они могли не скрывать (И. П. Павлов на своих лекциях безнаказанно высмеивал взгляды Н. И. Бухарина)...

Духовная эволюция профессуры, разветвленная, сложная, противоречивая, — это, может быть, главное зерно той темы, которую выбрал для себя рецензент. Но он должен признаться: анализ и обобщения здесь ему (пока? дай Бог...) не по силам. Собирайте забытые факты, выстраивайте их в ряды: именные, хронологические, смысловые, — будем пока строить эти леса для отдельных частей того большого здания, которое назовется историей отечественной культуры.

Обрываю себя.

Честная история отечественной высшей школы будет написана вопреки Хронике, а не благодаря ей. Мне кажется, выбери я другую подобную тему для сопоставления с Хроникой или другой интервал времени (менее разрушительный, более созидательный) — оценка рецензируемых книг осталась бы точно такой.

По правде сказать, единственное, что мне нравится в рецензируемых томах, — это их гладкая бумага и прочный переплет.

Примечания

¹ См. об этом подробнее статью Д. Анастасьина и И. Вознесенского *НАЧАЛО ТРЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ АКАДЕМИЙ* в наст. вып. «Памяти».

² «Русь», 1905, 27 января (9 февраля), №20, с. 3.

³ Цит. по кн.: И. М. Губерман. *БЕХТЕРЕВ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ*. М., 1977, с. 115.

⁴ Цит. по кн.: А. С. Бутягин, Ю. А. Салтанов. *УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СССР*. М., 1957, с. 48.

⁵ В. А. Вагнер. *УНИВЕРСИТЕТ*. — В кн.: *ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ Рус. Библиогр. ин-та Гранат*. 7-е изд. Т. 42. 1935, стлб. 341.

⁶ *ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*. Сб. документов. Л., 1968, с. 339.

⁷ Российская Академия Наук. Общее Собрание. /Протоколы за 1918 г./ II заседание, 13 января 1918 г. /Отдельный оттиск/, с. 13.

⁸ «Вестник шанявцев», 1918, №3, с. 79.

⁹ *СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ ГОС. КОМ. ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.* — «Народное просвещение», М., 1919, № 6/7, с. 134.

¹⁰ К. Воз-кий. *КАК ПЕРЕРОЖДАЛСЯ ГОСУНИВЕРСИТЕТ.* (Воспоминания). — «Красный студент», Пг., 1923, № 7/8, с. 57.

¹¹ *ПРОЦЕСС «ПРОМПАТИИ» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.).* Стенограмма /.../ и материалы, приобщенные к делу. М., 1931, с. 102.

¹² Именно так представлено дело в кн.: Н.П.Гречкин, В.И.Кузнецов. *АЛЕКСАНДР ЕРМИНИНГЕЛЬДОВИЧ АРБУЗОВ.* М., 1977, с. 51.

¹³ Цит. по кн.: В.В.Украинцев. *КПСС — ОРГАНИЗАТОР РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.* М., 1963, с. 50.

¹⁴ Цит. по кн.: Ш.Х.Чанбарисов. *ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИСТЕМЫ. (1917 — 1938 гг.).* Уфа, 1973, с. 120.

¹⁵ Цит. по кн.: В.В.Украинцев. *КПСС — ОРГАНИЗАТОР РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.* М., 1963, с. 50.

¹⁶ Из выступления на Секции XIII съезда РКП(б) по работе среди молодежи. — Приложение к кн.: Н.И.Бухарин. *БОРЬБА ЗА КАДРЫ.* 1926, с. 313.

¹⁷ Цитаты — по «Петрогр. правде» (1.09.1921 и др.).

¹⁸ М.Н.Покровский. *ЛЕНИН И ВЫСШАЯ ШКОЛА.* Л., 1924, с. 5 и 9.

¹⁹ П.А.Сорокин. *ОТПРАВЛЯЯСЬ В ДОРОГУ...* Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины университета. — «Утренники». Вып. 1, Пг., 1922.

²⁰ Л.В.Заржицкая. *О НОВЫХ ПИСЬМАХ М.ГОРЬКОГО. (К вопросу о сохранении кадров ученых в первые годы Советской власти).* — В кн.: *ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ.* М., 1968, с. 109.

²¹ «Известия Российской АН», 1918, № 4, с. 1406.

²² *ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ. 1918 — 1922. ПАМЯТКА КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ РОССИЙСКОЙ АН.* Пг., 1923, с. 50.

²³ *НАШИ ЗАДАЧИ* (передовая). — «Вестник шанявцев», 1918, № 1, с. 3.

²⁴ *КПСС В РЕЗОЛЮЦИЯХ И РЕШЕНИЯХ СЪЕЗДОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ И ПЛЕНУМОВ ЦК.* Ч. 1. Изд. 7-е. М., 1953, с. 420.

²⁵ А.В.Луначарский. *К ЮБИЛЕЮ РАБФАКОВ.* — «Правда», 1929, 9 марта, с. 2.

²⁶ М.Покровский. *КАК У НАС НАЧАЛАСЬ ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.* — «Правда», 1922, 28 сентября, с. 2.

²⁷ Н.Устрялов. *ПОД ЗНАКОМ РЕВОЛЮЦИИ.* Харбин, 1925, с. 143.